

Интересы крупных мировых акторов в Казахстане

Повышенное внимание внешних сил к Казахстану обусловлено следующими обстоятельствами:

1. Последнее время существенно возросла значимость для мировой экономики энергоресурсов Каспийского моря, и в частности, его наиболее значительного по запасам казахстанского сектора. Освоение богатых месторождений нефти и газа в Казахстане позволит мировым державам не только получить экономическую выгоду в виде сверхприбыли и доступа к дополнительным источникам углеводородного сырья, но и создать рычаги давления на ОПЕК.

2. Каспийско-Центральноазиатский регион и, прежде всего, Казахстан как ключевое государство региона, сегодня приобретают в силу нефтяного фактора не только экономическую, но и геополитическую значимость, что во многом объясняет стремление мировых держав укрепить свои лидирующие позиции за счет присутствия в стране и регионе в целом.

3. Большой экономический интерес для мировых держав представляет транзитный (транспортно-коммуникационный) потенциал Казахстана, позволяющий ему стать мостом между Европой и Азией для осуществления торговых и грузовых потоков. Возможности развития международной транзитной торговли через территорию Казахстана расширяются с началом функционирования нового Шелкового пути – Транспортного коридора Европа- Кавказ - Азия, а также с расширением торговли России с Ираном, Пакистаном и Индией.

4. Казахстан представляет собой новый, достаточно перспективный рынок сбыта для американских, европейских, японских и китайских товаров. Россия, в свою очередь, заинтересована в сохранении устоявшихся торгово-экономических связей с Казахстаном и в их динамичном развитии [177, с.7-8].

5. Непосредственное соседство Казахстана с Россией и Китаем, по отношению к которым западные державы, особенно, США питают далеко не дружеские чувства, а скорее подозрение в далеко идущих амбициях и соперничество, перманентно притягивает к стране самое пристальное внимание со стороны заинтересованных субъектов.

6. Угроза терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика привлекает внимание международного сообщества к Республике, близко расположенного Афганистану, превратившегося на сегодня в главного источника всех этих бед.

7. Активный интеграционизм Казахстана, деятельное участие страны в региональных объединительных организациях тоже вызывают интерес к Республике. Общеизвестно, что некоторые акторы мировой политики с раздражением наблюдают за деятельностью и эволюцией Шанхайской организации сотрудничества. В этом ключе закономерен повышенный интерес к участникам этой многообещающей организации.

8. Казахстан ушел в отрыв от остальных стран ЦАР по многим показателям состоятельности государства. Стране удалось создать

экономическую систему, основанной пока на сырьевом секторе, которая обеспечивает необходимый уровень материально-ресурсной безопасности Республики. Политика государства в социальной, межнациональной сферах поддерживает стабильность и спокойствие в обществе. Консолидация правящей элиты поспособствовала бесперебойной, согласованной работе политических институтов. Эти эндогенные факторы создают потенциальные возможности для расширения экономического присутствия заинтересованных субъектов (особенно ТНК).

Главным агентом внешнего окружения для Казахстана, безусловно, является Россия Федерация, политика которой в РК эволюционировала от «бегства» на заре независимости до «возвращения» в начале нового века. Политика северного соседа в отношении самой крупной страны Центральной Азии, всегда испытывающей к ней привязанность и открытую симпатию, состоит из трех этапов (как и вся центральноазиатская политика РФ):

1- этап охватывает период начала-середины 90-годов и связан с фактическим исключением ЦА из сферы приоритетов РФ на фоне иллюзорного стремления стать «составной частью» Запада;

2- этап пришелся на конец 90-годов и связан с критическим осмыслением Россией результатов всей своей внешней политики, в том числе и на центральноазиатском направлении;

3- этап, начавшийся с приходом в 2000 году к власти В. Путина и его команды, можно охарактеризовать как целенаправленное стремление вовлечь регион в сферу влияния Москвы для кардинального усиления международных позиций России [177, с.10]. Ярким достижением этого периода, наряду с реализацией ряда проектов, является создание Таможенного союза. И, возможно, с созданием «политического» Таможенного союза начинается новый этап в политике России в РК.

После развала СССР у большинства российских лидеров и населения существовала уверенность в том, что по мере демократизации страна успешно интегрируется в сообщество цивилизованных государств, объединяемых понятиями Запада или «общеевропейского дома». Ожидалась и массивная экономическая помощь в рамках нового «плана Маршалла». Запад, в свою очередь, рассчитывал на быструю трансформацию России в развитую демократию с процветающей рыночной экономикой, занимающую солидарную с ним позицию по основным вопросам международной политики. В системе внешнеполитических приоритетов России до конца 1993 г. на первом месте стоял «выход на зрелые партнерские, а в перспективе и на союзнические отношения со странами, которые мы условно называем Западом». Российскую внешнюю политику начала 1990-х гг. отличал очевидный американоцентризм. Даже мысль о существовании «единственной сверхдержавы» отвергалась. «Гегемония Соединенных Штатов, которой нас пугают, и разговоры о единственной сверхдержаве — все это стереотипы и зашоренность. Никакой единственной сверхдержавы нет», — подчеркивал министр иностранных дел РФ тех лет А.Козырев, выдвигая план стратегического союза с США, позднее трансформированный

в идею стратегического партнерства [159, с.72]. Отношения с бывшими советскими республиками оказались в кильватере политики ориентации на Запад. В этой связи центральноазиатские республики, в том числе и Казахстан, рассматривались в то время в Москве как своеобразный «балласт», тормозящий процесс органичного включения России в западноевропейскую цивилизацию» [138, с.46].

1 апреля 1992 года Верховный Совет Российской Федерации объявил о том, что защита территориальной целостности и суверенитета - собственное дело каждого государства. В 1993 году, по инициативе России, Казахстан был исключен из рублевой зоны и был вынужден вводить собственную валюту (тенге) одним из последних в СНГ. В этот период неоднократно раздавались заявления представителей российской политической элиты о необходимости ужесточения политики Кремля в отношении бывших союзных республик, и не в последнюю очередь - Казахстана. Акцентировалось негативное, по своей сути, внимание к проблеме русскоязычного населения, вопросам экономических взаимоотношений.

Уже в 1993 г. уязвимость политики Козырева стала очевидной. Серьезнейший удар по ней был нанесен открывшейся перспективой расширения НАТО вопреки многочисленным заверениям, данным западными лидерами еще М. С. Горбачеву, что этого никогда не произойдет. Односторонние уступки России по узловым вопросам мировой и региональной политики воспринимались Западом, в первую очередь, Америкой, как должное, не требующее ответных шагов со стороны западных партнеров. Американоцентризм не улучшал отношения с Западом, закрывал многие другие дипломатические направления — в том числе в Центральноазиатском регионе, в целом в Азии и мусульманском мире.

Вплоть до середины 90-х годов в действиях российской стороны превалировали силовые методы. В этот период в Москве преобладало мнение о том, что бурное освоение каспийской нефти бывшими советскими республиками не отвечает национальным интересам России. Некоторых членов российского правительства настораживала ситуация, при которой активную помощь прикаспийским государствам в разработке углеводородных месторождений оказывали крупнейшие западные компании. Следствием всего этого стала предвзятая поначалу стратегия российского руководства на воспрепятствование освоению нефтегазовых запасов всеми государствами региона, включая саму Россию. Результатом такого подхода стали фактическая «потеря» российской стороной Центральной Азии и ограничение доступа к важнейшим сырьевым ресурсам региона.

Начиная с конца 1993 года стали меняться приоритеты внешней политики России. В первом после выборов послании Федеральному Собранию Президент РФ заявил: «В 1994 году нам надо положить конец порочной практике односторонних уступок». Осенью на 49-й сессии ГА ООН

Ельцин позволил себе впервые критические замечания в адрес Запада: «До сих пор равноправие, партнерство, взаимная выгода, сотрудничество в значительной степени остаются словами, которыми по-прежнему прикрываются государственные эгоизмы» [245].

Разочарование в результатах партнерства с Западом нашло отражение в принятии в сентябре 1995 г. Указом Президента «Стратегического курса России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств», где утверждался приоритетный характер именно этого направления внешней политики. Главными целями становились создание жесткого интеграционного объединения, превращающегося во влиятельного субъекта мировой политики и экономики, сохранение пространства бывшего СССР в качестве зоны особых интересов России. В документе закреплен тезис том, что отношения с государствами СНГ - важный включения России в мировые политические и экономические структуры.

Это стало свидетельством того, что Россия вновь повернулась в сторону Центральной Азии. Но государства региона достаточно прохладно прореагировали на «пробуждение» России. Только казахстанское руководство было готово к такому развитию событий и предложило целый ряд инициатив по наращиванию темпов двустороннего сотрудничества. Стало наблюдаться оживление взаимодействия в нефтегазовой сфере по вопросам транспортировки казахстанской нефти на внешние рынки. Но данные взаимодействия были несистемными и со временем российская сторона стала использовать свою абсолютную монополию на транзит казахстанской нефти в качестве рычага воздействия на РК. Москва не скрывала своей заинтересованности в том, чтобы замкнуть поставки и транзит казахстанской нефти и всех гидрокарбонатов ЦАР на свою территорию, воспрепятствовать строительству трубопроводов в обход России и тем самым привязать себе Казахстан. В данный период имели место случаи квотирования Россией объемов экспорта казахстанской нефти через свою территорию [177, с.24].

Несмотря на просчеты в политике прошлых лет в отношении стран ЦАР российское влияние в Казахстане и регионе не ослабло. С приходом к В.В. Путина к власти в российской политике в отношении Казахстана, как и других стран региона, произошли позитивные изменения. Можно сказать, что РФ стала более последовательной и гибкой в вопросах сотрудничества с Казахстаном и ЦАР в целом. Это было обусловлено возросшим пониманием в России стратегической важности региона и важной роли в нем Казахстана. Россия «вернулась» в регион на волне роста ее внешнеполитических ресурсов. Подъем экономики, повышение показателей по наиболее важным пунктам социально-экономического развития позволили аккумулировать внешнеполитические ресурсы страны. Использование основного статичного внешнеполитического ресурса – наличие богатых месторождений гидрокарбонатов и роли «хозяина» узловых звеньев транспортировки нефти и газа на Запад создало условия для

маневрирования в европейской и региональной политике. Энергетическая дипломатия стала козырем в руках российского внешнеполитического истеблишмента в продвижении национальных интересов государства.

В основе путинской политики в отношении Казахстана и Центральной Азии лежал прагматический расчет усиления своего влияния и создания дальнейших благоприятных условий для российского бизнеса через интеграционизм. В Послании федеральному Собранию 3 апреля 2001 года Путин подчеркивает: «Россия остается ядром интеграционных процессов в Содружестве» [66, с.12]. РФ окончательное закрепление в регионе видится в руководящей роли в многосторонних институтах, объединительных процессах различного формата. В этом ключе России импонируют инициативы Казахстана по продвижению интеграционных процессов Центральной Азии.

С избранием В. Медведева на президентский пост политика Путина в отношении Казахстана нашла дальнейшее продолжение. В последнее время Россия все сильнее притягивает в свою орбиту Казахстан и центральноазиатские республики. Российский бизнес прибрал в свои руки транспортировку углеводородов Центральной Азии. Все государства ЦАР экономически зависимы от северного соседа, фактически регион входит в информационное, экономическое пространство России.

По своим параметрам и геоэкономическому содержанию с далеко идущими политическими мотивами, темпам наращивания своего присутствия в РК китайский фактор следует за российским. В политике Китая в Казахстане и ЦАР условно можно выделить три основных этапа:

- Первый этап охватывает начало 90-х годов XX-века, связан с осмыслением Китаем новых реалий в ЦА и вокруг нее, установлением дипломатических отношений, формированием атмосферы доверия и договорно-правовой базы, особенно, в контексте решения проблем, унаследованных от китайско-советского периода;

- Второй этап пришелся в основном на середину - конец 90-х годов, захватив, однако, и большую часть 2001 года (до событий 11 сентября), характеризуется формированием в ЦА с участием Пекина механизмов и институтов регионального взаимодействия, а также расширением экономического присутствия Китая;

- Третий этап, условно начавшийся после событий 11 сентября 2001 года и совпавший с приходом к власти в Китае политиков «четвертого поколения», продолжается по настоящее время. Данный этап характеризуется небывалым ранее ростом активности и наступательности политики КНР практически по всем направлениям сотрудничества с целью не допустить развития ситуации в регионе в невыгодном для Пекина плане.

В первой половине 90-х годов Китай не проявлял заметной активности в Центральноазиатском регионе. Установив дипломатические отношения с государствами ЦА в 1992 г., Пекин был заинтересован, прежде всего, в сохранении политической стабильности в своем Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР).

Однако проявившиеся в последующем политические реалии в Центральной Азии (нарастание угрозы исламского фундаментализма, борьба за углеводородные ресурсы региона, поиски государствами региона внешних партнеров и т.д.) побудили Пекин перейти к более активной политике [123, с.46].

В целом внешняя политика Китая со второй половины 90-х годов характеризуется стремлением усилить свое влияние в регионе ЦА по средствам расширения и интенсификации экономических связей. Основные аспекты экономической активности Китая в регионе касались в основном торговли и энергетической сферы. Важной составляющей стратегии обеспечения энергетической безопасности Китая является политика "выхода вовне", под которой, в частности, понимается участие в освоении зарубежных нефтяных месторождений с помощью китайских технологий и капитала. Эта политика обращена в первую очередь на сопредельные страны, так как "Россия, Казахстан и центральноазиатские государства владеют богатыми нефтегазовыми ресурсами, являются дружественно настроенными соседями и обладают относительной политической стабильностью, поэтому с точки зрения долгосрочной перспективы центр тяжести должен находиться там".

Выбор этих стран в качестве приоритетных для своих зарубежных инвестиций полностью соответствует геостратегическим интересам и устремлениям Пекина. Там рассчитывают, что политика активной финансовой и экономической экспансии в государствах Центральноазиатского региона позволит Китаю стать их главным инвестором и торговым партнёром и тем самым "создать благоприятное для себя международное окружение". Интересы Китая в Центральной Азии определяются рядом факторов. Во-первых, Пекин стремится обеспечить политическую и социальную стабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), тесно связанном с этим регионом. Во-вторых, для КНР важно, чтобы ЦА была для него стабильным в стратегическом плане тылом. В-третьих, в Китае считают государства региона весьма серьёзными потенциальными поставщиками энергоресурсов и важными рынками сбыта для китайских товаров. В-четвёртых, в Пекине понимают значение транзитных возможностей ЦА для транспортировки энергоносителей по сухопутным магистральным трубопроводам, что представляется лучшей гарантией собственной энергобезопасности.

Привлекательность "центральноазиатского вектора" энергетической стратегии КНР, по мнению китайских экспертов, определяют следующие факторы:

- взаимодополняемость интересов - странам Центральной Азии необходимы инвестиции для освоения своих нефтегазовых ресурсов и рынки сбыта, а Китай нуждается в диверсификации источников энергии;
- наличие общих границ, что позволяет транспортировать нефтегазовые ресурсы без посредников;
- содействие программе развития Северо-Запада КНР;
- обеспечение мирного окружения и расширение влияния на страны

Центральной Азии, что немаловажно с точки зрения перспективных геополитических целей Пекина [218, с.102].

Основной упор в энергетическом сотрудничестве со странами Центральной Азии КНР делает на Казахстан. В последние годы Китай существенно укрепил свои позиции в нефтегазовом секторе Казахстана. Динамику энергетической политики восточного соседа можно увидеть из следующих данных: В настоящее время в Казахстане в нефтегазовой сфере работают китайские компании КННК (Китайская национальная нефтяная компания) и Sinopet. КННК принадлежит 85,42 % акций в компании "КННК-АктобеМунайГаз", крупнейшими месторождениями которой являются Кенкияк и Жанажол. КННК принадлежит 85,42 % акций в компании "КННК-АктобеМунайГаз", Китай получил контроль и над месторождением Узень в Мангистауской области, извлекаемые запасы которого уже выработаны примерно на 50 %. В 2006 г. добыча сырой нефти "КННК-АктобеМунайГаз" составила 5,9 млн т. КННК также принадлежит 50 % компании Vuzachi Operating Ltd. (второй участник - "Лукойл оверсиз"), которая ведёт разработку месторождения Северные Бузачи площадью примерно 125 тыс. кв. км, извлекаемые запасы которого - 43 млн т, геологические 218 млн т.. В 2007 г. добыча нефти на этом месторождении составила 35 тыс. баррелей в сутки. С конца 2005 г. КННК является акционером компании PetroKazakhstan (67 %), а совместно с национальной компанией "КазМунайГаз" владеет акциями Шымкентского нефтеперерабатывающего завода (ныне - НПЗ PetroKazakhstan OH Products). Ещё один актив КННК находится в Кызыл-Ординской области - это компания "КННК-АйданМунай", которая ведёт добычу на месторождениях Арыское и Блиновское, чьи доказанные извлекаемые ресурсы составляют 10,42 млн т. Компания Sinopet в 2004 г. стала владельцем активов американской First International Oil Company (FIOC) и получила контроль над перспективными участками в Прикаспийской низменности общей площадью более 30 тыс. кв. км, а также лицензии на разведку блоков Адайский, Сазанкурак, Атырауский, Восточно-Прикаспийский, Фёдоровский и Бегайдар. Партнёром Sinopet по Адайскому блоку (извлекаемые ресурсы - 75-100 млн т) выступает "Роснефть". На блоке Бегайдар Sinopet сотрудничает с "Группой "Альянс", в которой ей принадлежит 80 %, на Фёдоровском - с венгерской MOL и компанией Exploration Venture Limited. Sinopet принадлежит 22,5 % акций в консорциуме по разработке ресурсов Фёдоровского, которые оцениваются в 200 млн т. нефти и газового конденсата и 400 млрд куб. м газа [171, с.16-17].

Активность Китая в энергетической сфере Казахстана распространяется и на проблемы транспортировки казахстанских углеводородов. «Поднебесная» успешна и в реализации своих газовых проектов в РК. Присутствие Китая в энергодобывающем секторе Казахстана значительно расширилось, поскольку Пекин не только получает постепенно доступ к перспективнейшим каспийским месторождениям, но и прямой выход к нефтяным скважинам, разрабатываемым китайскими компаниями.

В 1991 г. администрации Буша (старшего) и Б. Клинтона (в начале его первого срока президентства) делали акцент на демократизацию стран региона. Американцы оказались неготовыми к распаду СССР и появлению на его территории новых независимых государств. У Вашингтона отсутствовала сколько-нибудь последовательная и целостная политика по отношению к странам региона. В этот период США ограничились дипломатическим признанием суверенитета новых государств региона и подтверждением бывших административных границ между советскими среднеазиатскими республиками в качестве международных. США проводили общую политическую линию в отношении всех постсоветских государств, включая центральноазиатские, поддерживая демократизацию их политической жизни и проведение рыночных преобразований.

В начальном этапе становления казахстанской государственности влияние американского фактора на формирование внешнеполитического поведения РК было доминирующим. Это было связано с тем обстоятельством, что Россия, на которую ориентировался Казахстан уже в новом, суверенном качестве, отказалась от роли эгиды для Республики. В сложном и непонятном тогда мире молодой независимой стране не оставалось выбора, кроме ориентира в своей внешней политике на США, которые заявили о себе как о лидере трансформирующейся системы международных отношений и которые в силу своего статуса супердержавы (и реализуют свои национальные интересы) активнее всех интересовались положением дел в новом государстве. В 1992-1995 гг. центральное место в политике США в Казахстане заняла проблема ядерного оружия на территории Казахстана. Добившись желаемого результата со стороны Казахстана, американцы быстро свернули политический формат своих действий в РК. На первый план стали выходить экономические планы по развитию добычи нефти ее транспортировке (строительство нефтепроводов из зоны Каспийского моря). Но американцев не устраивал контекст; ситуация в регионе, особенно в Таджикистане и на соседствующем Кавказе не выглядела стабильной, а экономические проекты сталкивались со многими трудностями, прежде всего политического плана. Поэтому, в своей политике в Казахстане и во всем ЦАР США было удобно следовать доктрине Тэлбота, по которой Вашингтон продолжал признавать особую роль России в данном регионе [212, p.13-17]. Но в 1996-2000 гг. существенно охладились отношения между США и Россией. Активность Соединенных Штатов в регионе снизилась, значимых результатов проводившаяся ими политика демократизации и либерализации экономики, не дала. К 97- 98 годам привлекательность Казахстана в глазах американцев поблекла. США решили сконцентрировать свои усилия на развитии отношений с Узбекистаном как стратегическим региональным партнером и наиболее мощной, в том числе и в военном отношении, страной региона. В политических и академических кругах США изначально считали Узбекистан самой потенциальной страной региона, которая могла бы стать опорной точкой американской политики в ЦАР [231, p.147]. Узбекистан проводил весьма независимую от России внешнюю политику и пытался играть роль

региональной державы, планомерно снижая свое участие в постсоветских региональных организациях типа СНГ и Договора о коллективной безопасности. Ташкент искал сильного внешнего партнера, которым, в идеале, как виделось узбекским политикам, мог стать Вашингтон. Однако развитие американско-узбекистанских отношений шло достаточно медленно и по весьма ограниченному кругу вопросов. Большему прогрессу в этой области мешали низкая в целом в этот период привлекательность региона для США, антидемократичность политического режима в Узбекистане и традиционное отношение к ЦАР как “заднему двору” России.

Интересы и цели США в 90-гг.в Казахстане, как и во всем регионе, могут быть сформулированы следующим образом:

- Не допустить ситуации, когда одна из держав или группа держав, таких как Россия и КНР, будут доминировать в регионе в степени, исключающей там американское присутствие;

- Предотвратить трансформацию Азии в базу для развертывания экстремистских исламских сил;

- Воспрепятствовать превращению Центральной Азии в коридор для нелегального распространения наркотиков;

- Обеспечить американским компаниям доступ к энергетическим ресурсам региона;

- Способствовать развитию в государствах ЦАР гражданского общества, власти закона и прозрачной рыночной экономики.

В практическом плане Соединенные Штаты осуществляли довольно скромную программу оказания военно-технической помощи, в первую очередь в целях борьбы с контрабандой оружия и наркотиков (по данным, приводившимся на слушаниях в том же подкомитете, около 50 млн. долл. в год), а также содействовали некоторым гражданским инициативам и развитию независимой прессы.

Нельзя обойти вниманием интерес США к энергетическим ресурсам Каспия и поддержку Соединенными Штатами альтернативных российскому проектов транспортировки нефти из региона. Следует, однако, учесть, что в тот период Каспий рассматривался американскими стратегами как регион, тяготеющий к Кавказу (в структуре законодательной и исполнительной власти США им занимались другие подразделения), и энергетический фактор не выходил на первое место в американской политике в Центральной Азии. Существенные изменения в политике США в регионе произошли после прихода в Белый дом Дж. Буша-младшего. Новая администрация наметила весьма динамичный и прагматичный план действия в отношении Центральной Азии. Характерно, что некоторые страны региона - особенно Узбекистан и Киргизия - предчувствовали подобные перемены, и встретили результаты выборов в США с нескрываемым удовлетворением.

После событий 11 сентября 2001 г. изменилось понимание природы угроз национальной безопасности США и, соответственно, изменились оценки места Центральной Азии во внешней политике Соединенных Штатов. США кардинально расширили свое присутствие в регионе. Подходы США в

отношении стран региона сменились полностью - помощник президента США по национальной безопасности К. Райс заговорила о “перемещении тектонических плит” в политике США в Центральной Азии; регион занял очень важное место в системе внешнеполитических приоритетов США. Во многом созерцательная позиция середины 1990-х годов сменилась политикой, которую ряд американских экспертов характеризовали как “агрессивный реализм” [246].

По понятным причинам основное внимание Вашингтона оказалось обращено на территории и ситуации, сделавшие возможными атаки на США. Давняя обеспокоенность Соединенных Штатов “неудавшимися”, по выражению американских политологов, государствами и странами- “изгоями” получила новое осмысление. США пришли к выводу, что само существование стран, где центральное правительство не контролирует свою территорию, торговлю оружием и наркотиками, не препятствует, или не может препятствовать, экстремистской деятельности, где население не имеет никаких жизненных перспектив и легко превращается в человеческий ресурс для террористов, составляет угрозу их национальной безопасности. В этом контексте Центральная Азия стала не только важным компонентом американской военной кампании по уничтожению террористической инфраструктуры в соседнем Афганистане, но и объектом приложения новой американской стратегии. Традиционная, во многом ставшая дежурной американская риторика о заинтересованности США в политической стабильности, демократизации и экономическом процветании Центральной Азии, приобрела вполне конкретный смысл. В политическом урегулировании в Афганистане после разгрома “Талибана” центральноазиатские страны играют особую роль. Этому существует множество причин. Среди главных можно отметить прозрачность среднеазиатских границ, достаточно свободное перемещение оружия и наркотиков по территории Афганистана и соседних с ним среднеазиатских государств, близость к талибам многих экстремистских сил в ЦАР типа Исламского движения Узбекистана и т.п. А поскольку географически этот регион видится американцам по-иному, чем это принято в России (как уже выше отмечалось, Афганистан и Пакистан США относят к ЦАР), то и многие процессы в регионе им представляются транснациональными [247, p.271-274].

После событий 11 сентября США стали активно укреплять политическое и военное сотрудничество с Казахстаном. Развертывание антитеррористической операции в Афганистане и обострение палестино-израильского конфликта существенно осложнили отношения США с их традиционными союзниками на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия не позволила американским ВВС использовать свои базы для боевых вылетов в Афганистан. В такие непростое для Америки время Астана первой среди стран СНГ дала согласие на использование воздушного пространства РК авиацией союзников. Это было подтверждено в ходе визита Н.Назарбаева в ФРГ в начале октября 2001 г., а затем в рамках консультаций с Вашингтоном. В дальнейшем, 10 июля 2002 г., РК и США подписали Меморандум о

взаимопонимании между правительствами двух стран об условиях предоставления международного аэропорта Алматы в качестве запасного для военных самолетов США. Данный шаг не означал создание военных баз на территории республики, а оговаривал условия, при которых самолеты ВВС США могут использовать казахстанские аэродромы для экстренного приземления американской авиации. К ноябрю 2002 г., согласно данной договоренности, американская сторона 11 раз использовала право транзита через воздушное пространство Казахстана [248].

Показателем изменения американской политики в отношении РК стало решение Администрации США в лице Министерства торговли о снятии с Казахстана статуса страны с нерыночной экономикой в соответствии с антидемпинговым законом США в марте 2002 г. Решение было принято на основе анализа таких параметров, как конвертируемость национальной валюты, свободный уровень заработной платы, иностранные инвестиции, государственная собственность, контроль и т.д. В течение 2002 г. рассматривался вопрос о снятии ограничений в торговле с Казахстаном, введенных поправкой к Торговому Акту (поправка Джексона-Вэника).

В 2003-04 гг. Казахстан интересовал Америку, в первую очередь, с точки зрения судьбы трубопровода БТД и продвижения демократии. Американцы были недовольны недостаточной демократичностью внутривластных процессов в РК. С 2005 года политика Соединенных Штатов в отношении Казахстана (и всего ЦАР) начала постепенно, но вполне осязаемо эволюционировать в сторону смягчения оценок и критики существующего режима. В июне 2005 года Вашингтон подтвердил курс на сохранение хороших отношений с Астаной. Госсекретарь США К. Райс предложила военную помощь Казахстану, как это мотивировалось, «на основании интересов национальной безопасности США, несмотря на многочисленные шаги назад в сфере обеспечения прав человека». Как заявила Райс, «американская помощь усиливает демократию», поэтому, Вашингтон будет продолжать осуществлять «полное взаимодействие» с Казахстаном. Продолжающиеся кризисные явления в Украине, Грузии и Кыргызстане формировали неприятие в общественном мнении революционного пути смены власти. Более того, изменилась тональность в отношении «оранжевых революции» и в СМИ стран Запада; последовала переоценка выводов в отношении их геополитических и геоэкономических последствий в аналитических структурах западных стран. Наиболее показательным в этом плане изменение отношения США к проблеме развития демократических процессов в Центральной Азии. Признавая их безусловную ценность, США в лице госсекретаря К. Райс заявили о возможности каждого государства искать свои пути строительства демократии без внешнего вмешательства [115, с.313].

С 2006-2007 гг. для Соединенных Штатов Центральная Азия не является зоной, затрагивающей национальные интересы американского народа. Американцы концентрировали свои усилия преимущественно на поддержание дружеского или, по крайней мере, нейтрального настроя и относительной предсказуемости центральноазиатских государств.

В последние годы первой декады нового века американские интересы в Казахстане определяются исходя из следующих геостратегических целей США в ЦАР, основным компонентом которых являются военные и геоэкономические аспекты присутствия в регионе:

- иметь в регионе силы быстрого реагирования, которые могут оказаться очень нужны в случае дальнейшего обострения ситуации в Афганистане и внутривосточной дестабилизации Пакистане и, возможно, в случае угрозы перерастания индо-пакистанского конфликта в ядерный;

- иметь в регионе инфраструктуру для активной политики в отношении Ирана и его ядерной программы, которая очень беспокоит США;

- проецировать американское военное присутствие на энергоресурсы Каспия, который, по некоторым оценкам, может оказаться так же богат нефтью и газом, как Персидский залив;

- присутствовать в складывающемся евроазиатском стратегическом транспортном узле (транспортный коридор Северная Европа - Индия, Западная Европа - Китай - Япония ("Великий шелковый путь"), газо- и нефтепроводы различных направлений); - контролировать экспансию КНР в ЦАР, а в некоторой степени - и дальнейший рост КНР. С 1993 г. КНР является нетто-импортером нефти, и географически наиболее доступные энергоресурсы, необходимые для продолжения экономического роста КНР, находятся как раз в Центральной Азии.

США приняли к сведению вынужденность «многовекторной политики» Казахстана (необходимость тесно кооперироваться с Россией), и пока не видят для себя угроз или проблем. Команда Б.Обамы в настоящее время преимущественно занята внутренними делами, и сам факт того, что Казахстан не отходит внятного и дружественного курса в отношении США, воспринимается в США позитивно. На будущее Белый дом рассчитывает максимально использовать этот настрой в своих геополитических интересах.

По сравнению с первыми тремя факторами европейский фактор в Казахстане особой активностью не отличался. В политике Европейского Союза в Казахстане проглядываются три этапа: Первый этап – с 1991 года по 1997 год. Первоначальный энтузиазм, с которым устанавливались двусторонние и институциональные отношения, заканчивается с разочарованием европейцев в Казахстане. Второй этап – с 1997 года по 2002 год. Этот период политики можно охарактеризовать как застойный, или, в лучшем случае, вялотекущий. Третий этап – с 2002 по настоящее время. В силу международных процессов и актуализации энергетической проблемы европейская политика в Казахстане пересматривается с целью ее обновления и усиления.

С вхождением в международный лексикон геополитического обозначения «Центральная Азия» в начале нового, XXI века Евросоюз пытается фокусировать внимание конкретному региону, имеющему свои неповторимые черты и требующему особого подхода из-за наличия богатых нефтегазовых и других ресурсов. В Стратегии ЕС на 2002-2006 годы

«Центральная Азия» выделяется как самостоятельный регион, правда, в тесной увязке с Каспийским регионом. В ней констатируется, что ЕС «проявляет интерес» к энергоресурсам региона [214, с.9]. Но сокращение российских поставок газа на Украину, высветившее энергетическую уязвимость ЕС, резкий отход России от Запада и использование ею своих энергоресурсов как рычага давления на соседние страны заставили Европу не просто «проявлять интерес» к ЦАР, а пересмотреть прежнее отношение к региону и его ресурсам.

Начиная с 2002 года в отношениях ЕС к Казахстану и другим Центральноазиатским государствам намечаются новые подходы, которые были обусловлены новейшими геополитическими реалиями в мире после событий 11-сентября 2001 года и состоянием мирового энергетического рынка в начале нового века. Задача диверсификации источников энергоносителей и получения определенной доли независимости от традиционных поставщиков нефти и газа заставила европейцев свою прежнюю политику относительно региона. Инертная политика ЕС в ЦАР, которая только вяло следовала за событиями в центре Евразии во второй половине 90-х годов и первые годы XXI века, привела к тому, что США и Россия стали доминировать в регионе. Если интересы США в регионе большей степени охватывали военно-политическую сферу, сферу безопасности, то РФ распространила свое влияние на экономику и торговлю. К 2004-05 годам Европа «с удивлением» обнаружила что, в экономических отношениях, торговле между ней и странами ЦА сооружен «российский мост» и обойти его уже невозможно. Германия первой подвергла критике центральноазиатскую политику ЕС. Министр иностранных дел Германии Ф.Штайнмайер заметил: «в нашем общем европейском прошлом я не вижу не одного этапа, когда существовал бы большой интерес к этому региону (ЦАР. прим. автора)». По мнению германской стороны в большей части ЕС пассивно следует за событиями в регионе, вместо того, чтобы активно проводить свою политику и действовать на упреждение. ЕС не учитывает геополитические и геоэкономические изменения, появившиеся за последние 3-4 года и стремится всячески дистанцироваться от какой бы то ни было лидирующей роли в Центральной Азии [214, с.7]. В Германии имели место попытки подготовить Каспийский стабилизационный пакт (наподобие Балканского стабилизационного пакта), который проложил бы путь к решению экономических, социальных, этнических проблем прикаспийского региона, частью которого является ЦАР [142, с.80]. В 2007 году Германия заняла пост председателя совета ЕС и одной из основных задач в повестке дня ее председательствования стал пересмотр и переформулирование политики Евросоюза в Центральной Азии. В июне того года Совету ЕС предстояло принять новый Стратегический документ по Центральной Азии. Как было заявлено в соответствующей программе, «В период председательствования Германии особое внимание будет уделяться стратегически важному региону Центральной Азии. ЕС планирует утвердить по отношению к Центральной Азии стратегию,

определяющую его интересы и цели в регионе». Основными компонентами этой стратегии по мнению германской стороны должны были быть проблемы энергоснабжения и вопросы безопасности – две главные сферы интересов ЕС в регионе. Инициирование и принятие документа «Европейский Союз и Центральная Азия: стратегии нового партнерства» является заслугой Германии.

Суть данной стратегии состоит в формировании качественно нового партнерства между ЕС и странами ЦАР в условиях глобализации. Стратегия не только расширяет принцип сотрудничества, изначально лежавшего в основе взаимоотношений между ЕС и странами ЦАР, но и придает ему совершенно новое значение. «В начале XXI столетия, в условиях всемирной глобализации пришло время для качественно нового партнерства между ЕС и странами Центральной Азии»- пишется в документе [61, с.7]. В Стратегии во главу угла поставлена защита прав человека и демократическое развитие, поэтому, основной сферой взаимодействия определено сотрудничество в области обеспечения прав человека и ответственного государственного управления, а также в области демократического и социального развития. Реализация основных пунктов Стратегии ЕС, безусловно, поспособствовала бы решению многих проблем стран региона, особенно, в вопросах транспортировки нефтегазовых ресурсов, создания и усовершенствования транспортных коридоров, решения экологических проблем.

Влияние экзогенных факторов на формирование внешнеполитической доктрины РК представляется следующим образом:

1) В условиях нарастающей взаимозависимости между субъектами международных отношений в эпоху глобализации ни одна страна мира, независимо от ее ресурсного и силового потенциала, степени развития, не может не подвергаться влиянию внешних сил. Процесс глобализации, являющийся основным мегатрендом мирового развития, порождает импульсы, прямо или косвенно влияющие на характер внутренней и внешней политики отдельных государств. Дальнейший ход глобализации будет требовать от субъектов международных отношений открытости, большей либерализации экономических и политических систем, большей интегрированности в мировое сообщество. Для внешней политики государства это означает все повышающуюся степень корреляции с экзогенными требованиями.

2) На стыке веков внешняя политика и дипломатия, как реализаторы национальных интересов государства, больше других сфер стали подвергаться интервенционному воздействию окружающей международной среды. От характера глобальной системы международных отношений напрямую зависят сегодняшние реалии и перспективы страны в будущем. Поощряющие и поддерживающие или ограничивающие и сдерживающие субъектов возможности структуры глобальной системы обуславливаются характером самой системы. Транзитный характер нынешней глобальной системы международных отношений от однополярности к многополярности усложняют процесс определения приоритетов и доминантных направлений в

международных взаимодействиях страны, выбора адекватного внешнеполитического курса, отвечающего национальным интересам страны.

3). Региональное окружение Казахстана является самым близким, потенциально опасным источником влияния для Республики. Проблемы, имеющиеся как внутри стран ЦАР, так и в межгосударственных отношениях, требуют пристального внимания к политике РК в регионе. Соседство с Афганистаном, горячей точкой всего мира, многократно усиливает подвергаемость Центральной Азии к внешним угрозам, что, в свою очередь, усложняет задачи политики Казахстана в регионе.

4) Политика ведущих держав, как США, Китай, Россия и ЕС в РК представляет собой фактор, определяющий внешнюю политику Казахстана. Интересы этих держав, усилившиеся в начале нового века, оказывали прямое воздействие на определение страной приоритетов в своей внешней политике.

Медеубаева Ж.М.